

Леонид Анфиногенович Дудин -
действительный член Академии
Российской словесности, автор
книг: «На вершине пирамиды»,
«Испытатели», «Поехали!...»,
«Главный конструктор»,
«Сын земли русской»,

«Белоозёрский. Очерки истории»,
«Гвардии генерал Соколов».

Лауреат Всероссийской литературной
премии им. М.Ю. Лермонтова.

Обладатель многих правительственных
и общественных наград, в том числе
медалей Э.К. Циолковского, Ю.А. Гагарина.
Ветеран Военно-космических сил,
Заслуженный испытатель
космической техники.

Почётный гражданин №1
городского поселения Белоозёрский,
Почётный гражданин Воскресенского
района Московской области.

ISBN 978-5-906800-52-7

9 785906 800527

Почитай, Серафим, стихи...

ЛЕОНИД ДУДИН

ЛЕОНИД
ДУДИН

Почитай,
Серафим,
стихи...

ЛЕОНИД
ДУДИН

Почитай,
Серафима,
стихи...

Коломна
Серебро Слов
2016

УДК 821.161.1 – 1
ББК 84(2Рос = Рус)6 – 5

Д81

Дудин Л.А.

Д81 Почитай, Серафима, стихи... Стихотворения – Коломна: Серебро Слов, 2016. – 144 с.: ил.

Академик Академии Российской словесности Леонид Анфиногенович Дудин больше известен читателям как прозаик-документалист, как автор книг о космонавтике. Его труды о выдающихся конструкторах XX века А.М.Исаеве, В.Н.Богомолове, об испытателях жидкостных ракетных двигателей, о полёте первого человека в космос Ю.А. Гагарина, о бесстрашных людях Великой Отечественной войны – «Гвардии генерал Соколов» – нашли самые доброжелательные отклики как среди его коллег по практическому освоению Вселенной, так и среди знатоков литературного дела.

По жизни Леонид Дудин – романтик. Поэт-лирик. Человек глубоко преданный своему Отечеству. Лауреат самых престижных Всероссийских литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова, им. А.П. Чехова. Лауреат Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова.

В данной книге издательство представило его стихи. Они написаны в разное время. Но истинный патриотизм, естественная любовь к Родине, чистота и музыка поэтического слова не зависят от течения времени – надо просто открыть книгу и убедиться в этом.

Автор искренне благодарен С.С. Антипову – учредителю Издательства «Серебро Слов», Д.В. Минаеву – директору Издательства, Е.В. Агаповой – директору Воскресенской типографии, О.А. Новиковой – художественному редактору и автору «Предисловия», А.А. Перову – фотомастеру, Н.И. Башмакову – художнику и всем, кто помог выйти в свет сочинению «Почитай, Серафима, стихи...»

ISBN 978-5-906800-52-7 © Дудин Л.А., 2016
© Дудин Л.А., обложка, 2016
© Башмаков Н.И, художник, 2016
© Серебро Слов, 2016

НЕГАСИМОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Поэтический сборник Леонида Дудина «Почитай, Серафима, стихи» – можно считать кладом той самой интимной лирики, где душевный разговор с читателем настолько откровенен, материален, открыт и светел, что хочется не только ему внимать, но и радоваться счастью звукового прикосновения с ним.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, лауреат Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова...

Говорить о его творчестве и несложно, и одновременно трудно. Несложно – потому что вся его поэзия неограниченно доступна, не напичкана заморскими словечками и красотами. В ней нет риторических лозунгов и призывов к зыбким миражам, нет лицемерия и надуманности. Стихи Леонида Дудина читаются на одном дыхании, каждое, изливая душу лирического героя, пробуждает при этом самые добрые чувства читателя.

Вот и кажется, что нет сложностей в его творчестве, всё ясно и определённно, что любому явлению и событию есть своё издавна намеченное место, и оно не меняется независимо ни от обстоятельств, ни от времени.

«Снова где-то внутри заёкало, Затревожилось неспроста... Что ж вы снитесь, мои далёкие, Опечаленные места?» – «Снится вечностью Дом бревенчатый – Пятистенок с лицом крутым, Наверху Петухом увенчанный, Словно солнышком Золотым».

...А трудно правильно написать о сути книги Леонида Дудина потому, что есть риск преподнести стихи глубокого содержания как простые, поскольку в них нет философии зауми. Но есть всюду заметная тонкая материя поэтической атрибутики, которой предостаточно

для осмысливания и переваривания в качестве образцов творческого примера. О душе:

... «Покинь, как надо. Ворвись в нетронутую высь. И ослепительным разрядом На белый пепел разорвись, Чтоб до огромного далёка, Оставив свой земной удел, Никто чужой по воле рока, И, невзначай, не долетел».

«И не в сказке – наяву, Не скрывая радости, Я тебе кувшинки рву В стрекозиных зарослях».

«Мои сосны, моя речонка, Сколько лет прошло, сколько зим, Помню, – к вам прибегал мальчонкой, Словно к родственникам своим?»

«Где-то там, Нет, не мною встреченные, Выйдут вечером – Гибкость лоз – Из реки, – То, что надо, – женщины, Выжмут водоросли волос».

А потому после прочитанного ещё не раз приходится обращаться к строкам и строфам, радуясь свежести музыки его стихов, уместной ритмике, неповторимости образа.

Стихи, собранные в данной книге – можно считать основными вехами жизненного пути Леонида Дудина.

Поэту ничто не чуждо в нашем мире. Он пишет обо всём, что волнует его сердце: это и отчий дом, и работа, и увлечения; и дружба, и любовь; это тема патриотических начал достойного служения Отечеству.

Но пишет поэт не для того, чтобы поставить галочку, мол, написал, как положено гражданину – и хватит. Отнюдь. Он каждое стихотворение делает искренне, с душой, выплеснув чувства ярко и без фальши.

О материнстве совы:

«Конопатая, простодушная, Прожектируя в дали взгляд, Она слушала – не наслушавшись,

Как под боком совыята спят».

О судьбе ели:

«...Застучал, загулял над Волгой, Распоясавшийся топор, Будто бы не рубили ёлку, А расстреливали в упор».
«Та и стройно, и величаво, Даже в смерти своей светла, В стоны ранние первых чаек, В блики солнечные легла».

Единение с миром:

«Деревья смотрят так доверчиво, Не шевелясь и чуть дыша, Что веришь: чем-то человеческим У них наполнена душа».

О гибели воина:

«Закрою глаза – и вижу: за живот схватился сержант. Он, сгибаясь, остаток жизни пытался ладонями удержать». – «Ну, а жизнь сержанта, беззащитна, чиста, светла, алой оторопью к закату между пальцев, дымясь, текла».

Да и рассказ-то Леонид Дудин ведёт всякий раз спокойно, неторопливо, точно идёт беседа не с незнакомым читателем, а с лучшим другом, и только лишь одному ему автор может поведать о своих болях, тревогах и радостях, поделиться самыми незабвенными воспоминаниями.

Много стихов поэт посвятил своей родине. Харитонов Починок – место, где родился автор, где прошло его детство, где остались, может быть, самые радостные и самые трогательные переживания его жизни. Стихи о маме, родне, об односельчанах, о неброской родной природе написаны настолько тёплыми словами, несут в себе столько добра, так исповедальны, что складывается впечатление, что именно эта тема разработана наиболее глубоко и тщательно. Вот и снова о незабвенных краях (болото Большая Чисть):

«Позабуду – и сразу! – где север, где юг, Загляжусь, как над ранней равниной В неоглядную даль облака поплывут – Красотою, ни с чем несравнимой». –

«Скоро бабы придут, подойдут мужики О судьбе, о любви поаукать...Большеглазая клюква, срываясь с руки, Заспешит о ведёрочки стукать».

О Совеге:

«Здесь нет на весёлых калитках Тяжёлых и скучных замков. Дома и светлы, и открыты,

Как души моих земляков. Мне эти дома с малолетства Понять до конца помогли, Что нет драгоценней наследства, Чем чувство родимой земли».

Из памяти автора не ускользнула ни одна подробность сельской жизни, подмечено всё – и название обиходной утвари, и особенности местного наречия, привычки и традиции людей, а также огромная радость от жизни в единении с природой: лесами, озёрами, реками, увалами, и зверьём, богато обитающем в далёком захолустье. И когда Леонид Дудин пишет о своих чувствах, подбирая такие простые и в то же время ёмкие по смыслу слова, которые присущи истинно русскому наречию, то и читатель сопереживает вместе с ним, потому что нельзя оставаться равнодушным, читая подобные строки. О матери, о крещении:

«Так в домах наших исстари водится: Чтобы век на себя не пенять, В горний храм Рождества Богородицы Заявилась на Троицу мать». Тридцать вёрст по болотам отмерила, Отгоняя приметы и страх, И меня с превеликою верою Принесла к алтарю на руках».

Встреча с матерью:

«Но вот покачнулась легонько, Вдохнула чуть слышно: «Сынок...» Дойник, прозвенев о шебёнку, Скатился в горячий песок».

Но не менее поэтически глубоко разработаны и другие направления творчества. Это и служба в Вооружённых силах страны, и труд на благо Отечества, – всё едино ценно.

«... Я согласен пахать угодья И покосева ворошить. Я согласен быть чем угодно –

Только делу бы послужить».

Леонид Дудин посвятил всю жизнь освоению космоса, и космос, так или иначе, в разных своих проявлениях, реальностью и мечтой живёт в большинстве произведений необыкновенного человека и необыкновенного поэта.

Вообще-то автор книги не пишет в стихотворениях о чём-то одном, узкоизолированном. Он всегда, лаконично выражая свои мысли, не разбрасываясь, что называется, по мелочам, преподносит их, тем не

менее, с большим и глубоким осознанием происходящего. Вся жизнь земная с проблемами человека и природы, с любовью к женщине и бедами, постигшими Родину, – всё одинаково гармонично увязано в стихах Леонида Дудина. Пример тому – содержание книги. Читая её, снова и снова убеждаешься, что боль одного человека в своей маленькой беде болит не менее сильно, чем боль людей всей страны за прегрешения правителей.

Листая страницу за страницей, постигая всё новые мысли автора, убеждаешься, что каждое стихотворение – лучшее, что именно оно самое-самое доходчивое, до сердца достающее, а они, мысли, аккуратно и бережно «упакованные» в стихи, не переставая, льются всё дальше, заставляя наслаждаться красотой языка, неожиданностью рифмы и стихосложения. И опять же этой великой связью Родины и Космоса.

«Если есть у Вселенной кромка, Роковые её края, – Я хотел бы там быть обломком

Межпланетного корабля». – «Тихо звёздных дождей завеса Поднималась бы надо мной, Словно стать молодого леса По-над речкою Костромой».

Автор, умело применяя литературные приёмы, добивается очень сильного эмоционального воздействия на читателя. «В синь опрокинутый лес», «ранимая проседь метёлок», «стрекозиные заросли», «огромное небо над плечами берёз», «заря, беременная солнцем», «пятистенок с лицом крутым», «уютный багульник» и долгий ряд простых, но до боли истинных определений можно продолжать и продолжать...

Много стихотворений посвящено женщине, и вся палитра чувств искренне выплеснута из души на страницы книги. Это и нежность к матери, и восхищения любовью, и непростые переживания разлук. Каждую мысль автор отрабатывает очень бережно, чтобы неосторожным или неудачным словом не исказить смысла стиха, не испортить его эстетически несовместимым сравнением.

*«За окном – занавескою – яблоня В молчаливых
подвесках цветения...Почему ты в слезах, ненаглядная,
Если долго ждала откровения?»*

А мог ли он писать по-другому, впитав «с молоком матери» интеллигентность, проявляющуюся во всём без исключения?

А мог ли он писать по-другому, получив уроки литературы от молоденькой, но очень грамотной учительницы в родной школе Марии Поповой, или, познакомившись с Тамарой Волжиной в литературном кружке во время учёбы в академии им. Петра Великого? Или в ЛИТО при Центральном Доме Советской Армии?

Он просто не мог писать по-другому, познав дружбу с большими поэтами Владимиром Фирсовым, Вячеславом Лукашевичем, Риммой Казаковой, Степаном Шипачёвым, уяснив раз и навсегда, что в поэзии, как и в жизни, самое главное – открытость и честность перед людьми. В стихотворении «Погоны» однозначно определено его гражданское кредо:

*«И если придётся мне где-то В боях справедливых
не встать, – погоны, прошу, моим детям, в победный са-
лют передать».*

В предисловии к первой книге стихов и прозы Леонида Дудина «На вершине пирамиды», Владимир Иванович Фирсов, лауреат Государственной премии России, отметил следующее (привожу текст полностью):

«Обращаясь к любителям российской Словесности, не могу не порадоваться, будучи четверть века преподавателем Литературного института им. М. Горького, что талантливые и совестливые люди всё же есть, но они категорически редки.

К таким редким людям относится и автор книги, которую ты, уважаемый читатель, держишь в своих руках. Эта книга, книга поэта и гражданина, является свидетельством своеобразного его жития.

По стихам Леонида Дудина ты можешь, невзирая на твой возраст и твой жизненный опыт, воссоздать Время, в котором обитает поэт.

Есть такая древняя русская поговорка: «Не где родился, а где сгодился». А родился автор в самой глухомани, в деревне Харитонов Починок, в потаённом местечке под названием Совета, на порубежье Вологодской и Костромской земель. И потому, читая стихи Леонида Дудина, вспоминается мне строфа из произведения Н.А. Некрасова:

*«Вскоре ты узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик».*

... Оказавшись, после службы за границей, в Москве «по своей и Божьей воле», молодой офицер поступает в инженерную академию им. Петра Великого и, успешно окончив её, служит и работает в конструкторских бюро, создающих ракетную технику, а также на заводах и полигонах, посвятив себя освоению ближнего и дальнего космоса.

Вся остальная биография, говоря словами С.А. Есенина, в стихах автора настоящей книги».

Эти слова Владимира Ивановича целиком и полностью можно отнести и к предлагаемой книге «Почитай, Серафима, стихи...»

Может быть, та глубокая непоказная вера в Истину, с которой мать принесла мальчика «к Алтарю на руках» дала ему возможность достичь настоящих высот Поэзии? Та вера – ради которой живут, за которую гибнут на войнах, спасая Отечество, та вера, о которой мы редко говорим вслух, но и редко говоря, мы всегда храним её в сердце как дорогую нашу святыню?

Вопросы мироздания:

«Осмелев, сделал шаг к Богосвету, Говорил, вопрошив, невпопад: – Есть ли жизнь меж бессмертьем и смертью? Иль меж ними – стеной – Звездопад?»

И, видимо, поэтому автор никогда не обращается к философии борьбы между светом и тьмой, как тако-

вой. В его стихах не встретишь, что является модным сегодня, повторяющихся виртуальных, потусторонних сюжетов об атаках противостоящих сил. Не встретишь. Подобное восприятие окружающего нас Великого мира для поэзии Леонида Дудина абсолютно неприемлемо, как слишком примитивное и пошлое.

Но в каждом стихотворении автора, как и в его душе, богатой и щедрой, живёт единственный Светильник – это негасимое признание в любви к людям, родной земле, космосу, Всевышнему.

Ольга НОВИКОВА,
*Член-корреспондент Академии
русской словесности,
обладатель медали
«Мастер словесности»
Международной федерации
русскоязычных писателей.*

Глава 1

**ЛЕС ТЫ МОЙ –
ОКЕАН ЗЕЛЁНЫЙ...**

О РОДОСЛОВНОЙ

«...Истребить племя Дудино...»
(Из указа Иоанна IV Грозного)

Благородных кровей
и высокого чина,
Всё при мне и навеки со мной,
Я родился в деревне Починок,
Между Вологодой и
Костромой.

Мои предки с хорошей
житейскою хваткой –
Не гнушались работать,
служить
И умели за Отчину в схватке
Свои головы с честью сложить.

Мои предки – открыты,
сильны, светлолики...
Так могли говорить
и любить,
Что всё племя указом великим
Иоанн повелел
истребить.

Но не ведал он, Грозный,
что слово и песню,
Бесшабашный лихой перепляс
Никогда не убьёт, –
ну, хоть тресни! –
Ни царя, ни повыше – указ.

И пошли негодники
в нови бесстрашно,
К сухонятам,
в самую глухомань,
Измотав государеву стражу
И минуя плебейскую рвань.

С той поры беспрестанно
угодья пахали

И по совести
дело вели,
Учредив разом власть вертикали
От небес – до людей и земли.

2

Я брожу по угорам,
болотам, корягам,
Понимая лесов перезвон...
Мне бы надо набраться
отваги
И признаться Вам пра...
Харитон,
Что послушны мне, к счастью,
топор и рубанок,
Скоростная строптивость ракет,
Улетающих вдаль спозаранок
На орбиты соседних планет.

И СВЕТЛЫ, И ОТКРЫТЫ (На родине)

1.

Легко полевая тропинка
Бежит, раздвигая стерню,
К торжественно-чинным Починкам
С домами – один к одному.

Отцы их рубили как надо,
Добротно рубили сыны
Из самой звенящей и ладной
Высокой столетней сосны.

Несложные телеантенны,
Линуя пейзаж новизной,
Над шифером крыш постепенно
Сливаются с голубизной.

Здесь нет на весёлых калитках
Тяжёлых и скучных замков.
Дома и светлы, и открыты,
Как души моих земляков.

Мне эти дома с малолетства
Понять до конца помогли,
Что нет драгоценней наследства,
Чем чувство родимой земли.

2.

Стоит у высокого тына
Недвижимо тихая мать
И самого младшего сына
Сквозь солнце не может узнать.

Но вот покачнулась легонько,
Вздохнула чуть слышно: «Сынок...»
Дойник, прозвенев о щебёнку,
Скатился в горячий песок.

3.

Не плачь, негасимая мама,
Ты видишь, я жив, невредим,
Хотя было риска не мало,
Чтоб стать не однажды седым.

Но знай, ничего не случится...
Недаром небес голубей
Горят боевые петлицы
На серой шинели моей.

Как вечно и были и будут
Калуга, Рязань, Кострома...
И встреч долгожданное чудо,
Входящее в наши дома.

В ОТПУСКЕ

За Веретии снова меня унесёт.
Там, у самой рогастой коряги,
В изголовье себе положу туюсок
И в уютный багульник прилягу.

Позабуду – и сразу! – где север, где юг,
Загляжусь, как над ранней равниной
В неоглядную даль облака поплывут –
Красотою, ни с чем несравнимой.

Скоро бабы придут, подойдут мужики
О судьбе, о любви поаукать...
Большеглазая клюква, срываясь с руки,
Заспешит о ведёрочки стучать.

А пока затаилась окрест тишина,
Та, которой нигде не услышишь.
Рядом, вытянув шею, подросток-сосна
Замерла надо мной и... не дышит.

НА РЕКЕ СВЕТИЦЕ

В Солигаличе, на Светице
В плёсов ясные зеркала
Опрокинуты светлолицые
Сосен мачтовых купола.

Мои сосны,
 моя речонка,
Сколько лет прошло,
 сколько зим,
Помню, - к вам прибегал мальчонкой,
Словно
 к родственникам своим?

Или вместе
 с десятым классом
Приходил
 поклониться вам,
Вашей искренности безотказной,
Вашей мудрости и словам?

Это вы нам открыли дали,
Что не снились и смельчакам –
Байконурские магистрали
По калёным солончакам.

В звёздном натиске, в напряженье,
В становленье безусых нас
Мы предвидели Дни рожденья
Всех проложенных ныне трасс.

Не согнули нас разом в дуги
Вихри стартового огня ...
Я пришёл к вам сегодня, други, –
Может, вспомните вы меня?

Я пришёл к тишине Светицы,
Чувства светлого не тая-
Вдруг да в чём-то и повторится
Юность крохотная моя ...

И на радость!
Над всем раздольем,
Заливаясь, волнуя высь,
Колокольчиком,
 вижу, школьным
В небе жаворонок завис.

ДВЕ РЯБИНЫ В САДУ

Не ругай меня, мать,
Отведи от беды,
Что живу я не так,
Как хотела бы ты.

Вспомни лучше тот день,
Как в далёком году
Я весной посадил
Две рябины в саду.

Две судьбы, две тропы –
От себя не уйдёшь...
Говорила мне ты:
– Пропадёшь, пропадёшь.

Ты одну бы ласкал,
Целовал бы одну,
Не позорил себя
И всю нашу родню.

Я не знаю, как быть,
Что сказать мне в ответ –
У судьбы, у любви,
Видно, выбора нет.

Не ругай меня, мать,
Что себя не найду...
Я весной посадил
Две рябины в саду.

ЭХ, ОБНЯТЬ БЫ МНЕ

Африкан Васильевич,
нынче солнечно...
Может быть,
мы с тобой махнём
на УАЗике,
далеко не гоночном,
за починовский окоём?

В глухомань мою,
где свобода водится,
залетим вдвоём
неспроста.
А в Москве пускай
ей самой накроются
все присутственные
места.

Эх, обнять бы мне
Дорогих Морозовых
и спросить:
– Как ты, Юр, живёшь?..
На полях больших
навсегда заброшенных
ты пасёшь
или не пасёшь?

Помнишь, как с тобой
за Овражьей горкою,
бросив напрочь
стада овец,

принимали мы
потихоньку горькую,
словно Книгу
Пяти Колец?...

.....

Африкан Васильевич,
хватит скорости,
хоть немножечко
погоди!
Постоим, давай,
на границе волости,
ну, а там...
Сколько хошь! – гуди.

ДЯДЯ ВАНЯ

*(Светлой памяти моего дяди
Ивана Николаевича Дедюхина)*

*«Воды твоей солёность
Равна солёности крови».*

В. Лукашевич,
«К Балтийскому морю»

Дядя Ваня пляшет резко,
Сотрясая отчий дом,
Лампа прыгает в подвеске,
Ходят стены ходуном.

– Ты, братишка дорогой,
Давай поделимся с тобой:
Плуг тебе и борона,
Мне винтовка и война.

Я мальчонка. Всей печали
Ещё толком не пойму,
Знаю только – провожали
Дядю Ваню на войну.

Дядя Ваня пляшет пылко,
Тесноват бушлат на нём...
Буквы в ленте бескозырки
Разгораются огнём.

Расстегнулся нараспашку:
— Эх, солёная, пошла!.. —
И бесстрашная тельняшка
Избу молнией прожгла.

Дядя Ваня ладно скроен,
Наших, северных, кровей.
Он изменит скоро, море,
Вкус солёности твоей.

Баянист исходит потом,
Словно в полдень от косы,
Задыхаются в работе
Вологодские басы.

— Ты играй, не задыхайся,
Черномеховый баян,
Ты девчонка,
 не влюбляйся —
Нынче на море туман.

Дядя Ваня крепко сбитый,
Дяде Ване двадцать лет...
Много лет, как он убитый,
Дяди Вани больше нет.

Мать выносит бескозырку
В день рождения его...
В букве «Ф» чуть видно
дырку –
В полгорошины всего...

✱ ✱ ✱

Лес ты мой,
Океан зелёный,
Что ни дерево-
То волна...
Затерялась в твоих затонах
Моя отчая сторона.

Где-то там,
Нет, не мною встреченные,
Выйдут вечером-
Гибкость лоз-
Из реки, –
То, что надо, – женщины,
Выжмут водоросли волос.

– Ах, красавицы!
– Ах, вы, вороги –
Белобокие берега!-
Ахнет месяц
На звёздном пологe
И вослед наострит рога.

* * *

Снова где-то внутри заёкало,
Затревожилось неспроста...
Что ж вы снитесь, мои далёкие,
Опечаленные места?

Снится вечностью
Дом бревенчатый –
Пятистенок с лицом крутым,
Наверху
Петухом увенчанный,
Словно солнышком
Золотым.

А окрест
В тишину влюблённая,
Удивлённая,
Как ни глянь,
Расстилается потаённая
К морю Белому
Глухомань –

С нераспаханными
Берлогами,
До зимовья – не докричись,
Гать – болотина
Многорогая –
Недотрога –
Большая Чисть.

Лишь отсюда вся Русь,
Без вычета
Самой малой тропы,
Видна.
Слева – Сухона,
Справа – Вычегда,
Прямо – Северная
Двина.

При раскладе таком,
Немереном,
Нет вопросов
Кому служить,
За что голову,
Как повелено,
На войне сложить.

* * *

Матери

День за днём в окошко смотришь
На холмистую дорогу, –
Обещал приехать нынче
На побывку младший сын.

Но дорога одиноко
Вдаль бежит почти не слышно
И теряется в проёме
Елей, сосен, ивняков.

Все глаза ты проглядела,
Иссушилась до травинки –
Грусть одна по дому бродит,
Но зачем тебе она?

– Не сходить ли к Александре, –
Знаю, тихо рассуждаешь, –
Посоветует, что делать,
Всё же старшая сестра.

И к тому же Александра
В третьем годе побывала
У своих ребят далёко –
Не в самой ли чуть Москве.

И накинув полушалок,
Как была – во всём домашнем
Ты на Германов Починок
Понесла свою печаль.

– Знаешь, Марья, не представляю,
Чем могу тебя утешить,
Посидим, давай, рассудим,
Почему его всё нет.

Он не мог забыть дорогу,
Он не мог забыть поляны,
О которых напевала
С колыбели ты ему.

Он не мог забыть большие
Росы в утренних сияньях,
День и ночь твои тревоги, –
Рук твоих не мог забыть.

А сейчас иди до дому
Да управься по хозяйству,
И пройдут между делами
Беспокойство и печаль.

– Да и то, пожалуй, верно, –
Ты, сказав, пошла за двери,
Как сестре и показалось,
Огородами домой.

Но свернула ты на поле,
На саму на Лихотинку,
Где грохочут самолёты,
И гудит аэродром...

Через пашни, перелески
Ты спешишь навстречу небу
И несёшь в себе надежду,
Думы разные несёшь...

Может, там о сыне скажут?

ФРАГМЕНТ ПИСЬМА

*Моему учителю
математики
Н.А.Фефеловой*

...Над степью тишь.
Час ночи поздний.
С лица стекает градом пот.
Чуть слышно рядом
шорох звёздный
К Аралу в мареве плывёт.

Не Вы ли на одном дыханье,
Учитель мой, смогли воспеть
Всю строгость формул мироздания
И теплотой своей согреть?

Сегодня Вы меня поймёте,
Поймёте, как никто другой,
Что начинаются полёты
И завершаются полёты
Параболической дугой.

Расчетом, риском, ожиданьем,
Тревогой непонятной той,
Которой нет ещё названья
В энциклопедии любой.

Глава 2

ОТРЫВ. ОТЗЕМЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДРУ ТЮРИНУ

«Выхожу один я на дорогу...»
М.Ю. Лермонтов

Я просил разрешения у Бога
За Вселенский забор перелезть,
Чтоб облегчить, хотя бы немного,
Эту жизнь, коль она ещё есть.

Сноп орбит не вязал, как попало,
Плача, горло ракет надрывал,
Лишь бы смерть в Море Смерти упала
И убита была наповал...

А в садах Мироздания, кстати,
Видел – Архистратиг Михаил
Благочинно среди ангельской рати,
Указуя на Землю, ходил.

Я стоял тенью теми и света
На развилке разлуки – любви,
Осознав до болезни, при этом,
Что верны откровенья мои.

Осмелев, сделал шаг к Богосвету,
Говорил, вопросив, невпопад:
– Есть ли жизнь меж бессмертьем и смертью?
Иль меж ними – стеной – Звездапад?

– Передай, – протрубил Он, – народу,
А поэтам – вдвойне! – Нашу весть:
Кто один выходил на дорогу,
Тот познал и погибель, и честь.

ДОМИК ГАГАРИНА

*В этом доме провёл ночь
перед первым полётом
человека в космос
Юрий Алексеевич Гагарин*

12 апреля 1961 года

Окрест лежит земля радарная,
Ковши антенн за рядом ряд...
Стою у домика Гагарина,
Да тополя со мной стоят.

В упор торжественно-печальная
Через прозрачность деревца
Глядит доска мемориальная
Чертами светлого лица.

От солнца с пёстрыми оттенками,
Степной отсвечивая день,
Ко мне идёт двумя ступеньками
Крылечко русских деревень.

Крыльцо всегда меня тревожило.
Но замираю я теперь,
Когда легко и осторожно
Входная приоткрылась дверь.

Вот-вот сейчас, ещё мгновенье
И звёздный повторится час
Перестроения Вселенной
И самоутверждения нас.

Земля качнётся космодрома,
И, громом оглушив меня,
Уйдёт «Восток» в простор огромный-
Весь в клубах дыма и огня...

Но тихо всё и безответно.
Лишь к небу в чистоте своей
Протянуты прямые ветви
Пирамидальных тополей.

Мне мать сочинила легенду,
Чтоб легче я боль перенёс:
«Гагарин, – да славься все лета! –
На самых далёких планетах
В Собрании Созвездий возрос.

И вот, по решению Собрания,
На Землю, на несколько дней,
Его отпустили собратья –
Увидеть, каким он обратно
Вернётся, побыв у людей...»

Не стал я родимой перечить,
Придумывать скорый ответ...
По праву Гагарин – Предтеча,
Знаменье, молва человечья –
Для самых неожиданных легенд.

* * *

Ю.А. Морозову

1

Если есть у Вселенной кромка,
Роковые её края, –
Я хотел бы там быть обломком
Межпланетного корабля.

Тихо звёздных дождей завеса
Поднималась бы надо мной,
Словно стать молодого леса
По-над речкою Костромой.

Я бы жил ожиданием встречи,
Что вот-вот земляки за мной
Прилетят в ледяную вечность,
А, возможно, в извечный зной.

И меня, а верней – обломок,
Биографию полистав,
Как удачную из находок,
В дорогие вернут места.

Гермошлемы свинтив устало,
Вытрут серую пыль с лица
И оставят забот немало
У родительского крыльца...

2

Вся деревня тотчас сойдётся,
Соберутся и стар, и мал
Посмотреть, как горит на солнце
Неостывший ещё металл.

Будет долго народ судачить,
Не скрывая свой интерес:
– Что же всё-таки это значит –
Ниспослание из-за небес?

Тут соседка совсем негромко
Скажет правильные слова:
– Да ведь, Господи, – это Лёнька! –
Ну, садовая голова!

– Что ты, Люба, – совсем неладно
Говоришь ты... Хотя что с тобой? –
Загудит разом царство бабье
Приглушённо, наперебой.

Бригадир, поворочав мозгом,
Бросит мысль такову в народ:
– Разбирайте, пока не поздно...
Для хозяйства – как раз пойдёт.

... Я согласен пахать угоды
И покосева ворошить.
Я согласен быть чем угодно –
Только делу бы послужить.

Об одном попрошу вас, если
Это можно, то, мужики,
Нержавеющие железки
Переделайте в дойники.

Мне б хозяйки тепло, без шума,
Как на исповеди, легко,
Доверяли бы свои думы
Под поющее молоко.

Я бы знал, кто кого ругает,
Кто чем дышит и чем живёт,
Кто по мне до сих пор страдает,
День и ночь поминутно ждёт...

Если есть у Вселенной кромка,
Роковые её края, –
Я хотел бы там быть обломком
Межпланетного корабля.

Сегодня старты
орбитальных кораблей.
Над степью замерло
тревожное затишье,
Как будто небо опустилось ниже,
Чтобы Земле не стало холодной.

Повисли крупно яблоки огней
Над белой головой
заправленной ракеты ...
Осталась песня одного рассвета
Что может на сегодня быть важней?

Колдуют испытатели у ферм,
Уходят к небу скоростные лифты ...
Пока ещё отсеки не обжиты,
Работает в отсеках инженер.

И, тикая, спешит секундомер
К началу эллиптической орбиты.

РЕПОРТАЖ ИЗ «ЗВЁЗДНОГО» (фрагменты)

* * *

День выпал тихим и морозным –
Ни шороха, ни ветерка,
Искрясь, рассыпались над Звёздным,
Как бы сугробы, облака.

Оставив дальних сосен кроны,
Чашобы сумрачную синь,
Четыре вклеились вороны
В изломы голые осин.

Протяжно свистнув надо мною,
Подав подруге алый знак,
Снегирь параболой крутою
Рассёк высокий березняк.

С крылатой ели, принародно,
Лесные позабыв дела,
На магазин «Дары природы»
Сорока око навела.

Хожу в растерянности: где же
Здесь фантастический пейзаж?
Где сказка, таинство, надежда
На необычный репортаж?

Дома прикрыты кромкой леса,
По-современному просты.
Где мне найти тот сплав железа,
Который нужен для замеса,
Чтоб строить звёздные мосты?

ВИБРОНАГРУЗКИ

Команда прошла:
«Зажиганье!» –

И вновь через стартовый стол
Прорвался из камер сгорания
Лавиною огненный столб.

Ракета – его продолжение,
Венец огневого столба,
Пока не свершает движенья,
А преодолагает себя.

... Отрыв. Отземление. И плавно,
Коль верить своим же глазам,
Покинув овальные плавни,
Она понеслась к небесам.

Волнуясь о будущих высях,
Величьем полета света,
Быть может, она уже в мыслях
К Созвездию Счастья пришла.

Но это казалось. На деле
Нещадно, сурово и зло
Её совершенное тело
По всем направлениям трясло.

Вибрируют рамы, обшивка,
Вибрирует корпус, нутро ...
Но нету в расчётах ошибки
И быть её в них не могло!

Пестрят амплитуды и герцы
Высокочастотны, плотны,
Хватая звучаньем за сердце
К обрыву готовой струны ...

* * *

Повторно – и круче! –
при спуске,
Дробя, грохоча, пепеля,
Знакомые вибронагрузки
Трясут экипаж корабля.

* * *

На стенде вибраций* – почти что
Аналог частотных полей.
А правду сказать –
 коль хотите, –
Раз в пять или шесть
 посильней.

* Вибрация – сложные колебательные движения. Характеризуются частотой, амплитудой и виброускорением. При воздействии на человека вызывают ощущение сотрясения. «Космонавтика», Маленькая энциклопедия.

СТЕПЬ, СЕКУНДЫ

Вновь пурга пронзает колко
Душу белую степей...
Я пишу к тебе на Волгу.
Где значительно теплей.
Где в большом микрорайоне
Ты, который год уже,
Ждёшь меня по всем законам
На обжитом этаже.

В чувствах противоречивых,
И жалея, и кляня,
Ждёшь из далей молчаливых
Непутёвого меня.
Я всё знаю, понимаю,
До последних мелочей, –
И тревогу твоей мамы,
И бессонницу ночей.

Не ругай меня, пожалуйста,
Теплотой благослови,
Я согласен: пусть от жалости,
Лучше, – если от любви.
Я одним сейчас расстроенный,
Беспокоит лишь одно,
Что чего-то мне огромного
В этой жизни не дано.

Может быть, работа – истина
В нескончаемой красе?..
Спутник выстрелен и выстроен
В орбитальном колесе.
И пошёл витки накручивать,
Широко, из края в край...
Нелегко слова вымучивать,
Чтоб сказать тебе: – Прощай!

Степь, секунды, километры...
Обаятельна, бледна
В окоём за колким ветром
Гулко катится луна.
Зиму-лето, зиму-лето,
И ещё раз зиму-лето...

Ты идёшь по белу свету
Одинёшенька, одна.

У ПАМЯТНИКА Ю.А. ГАГАРИНУ

«Он всех нас позвал в космос»

Нейл Армстронг, астронавт

По совести и по уставу,
Небес подперев синеву,
На площади города встану,
Фуражку тихонько сниму.

Свидетель пронзительной песни
Счастливой ракеты «Восток»,
Застыну с гвоздиками вместе
У Юриных бронзовых ног.

Застыну у плит пьедестала
И вновь на печальном посту
Почувствую привкус металла –
Огня и металла – во рту.

Ни фразы, ни слова, ни звука
Не вырвать сейчас из меня...
Слышны лишь сердца перестуки
В разливе высокого дня.

* * *

Александру Слободянюку

Когда бесстрашные потомки
Вокруг Вселенной обойдут, –
То на её кремнистых кромках
Обломки скромные найдут.

Следы далёкого столетия:
«СССР», «Восток», «Союз»...
И склонят головы при этом,
Не тронув выгоревших дюз.

Увидят шар полужарытый,
Закрытый люк в полукольце...
И снисходительной улыбки
У них не будет на лице.

И вздрогнут дерзкие потомки,
Поняв, что предки от Земли
Давно на этих вот обломках
К истокам Вечности пришли.

АЭРОПОРТ

Не знаю, кто не без волнения
В преддверье нового войдёт...
Наверно, с тем же настроением
Вхожу и я в аэропорт.

Возле конструкции ажурной,
Сплошь из дюрала и стекла,
Гляжу, приветствуя дежурных,
На флаги и на выпела.

Спешу смотреть на МИГи, ИЛы,
На силу взлётной полосы,
На горизонт неторопливый
Без ожидания грозы.

И – весь в предчувствии полёта,
Весь в ожидании высоты
И той, ещё не взятой, ноты
У закритической черты.

* * *

Лейтенанты с душой горячей,
Перед Небом светлы, чисты...
Нам достался свой миг удачи –
Гром Завета, весны, мечты.

Обжигающий и грохочущий,
Очень сложен, – и в полный рост
Из чарующего урочища
Поднимающийся до звёзд.

До сих пор нам никак не верится,
Как же всё-таки мы смогли
Силой собственной помериться
С притяжением самой земли.

Но померились-удостоверились,
Что возможен любой полёт
Только через уверенность,
Через мужество, через пот.

Глава 3

О ЛЮБВИ

БЛАГОСЛОВЛЯЮ НА ПОЛЁТ

Как будто спутники добра
И бликов близкого восхода,
Грачи рискованно с утра
Линуют купол небосвода.

Пересечения разлук
Обозначая крайне тихо,
Уходит ввысь грачихин друг,
А от него, к земле, грачиха.

Но вот и по сердцу пришлось,
Парят вдвоём, покинув стаю,
В совсем, совсем иную жизнь
На встречу с новыми местами...

Сквозь кручи солнечных лучей
И чистоту родного края
Ты с грустью смотришь на грачей
Все их дороги понимая.

И лишь свою – который год!-
В свободном не найдёшь пареньи...
Благословляю на полёт
И на удачу приземленья.

* * *

Тебе

Знаменью на Земле и во Вселенной
Пришлось неотвратимо просиять...
Я знал тебя ещё до появления,
Я ждал твою божественную стать!

И верилось, что, следуя наитию,
Ты явишься – не в сказке, наяву, –
Как самое из радостных событий,
Как яркий праздник сердцу моему.

И стоило мне долго жить на свете,
Чтоб в ревности, страдая и любя,
В зените упоительного лета
Увидеть долгожданную тебя.

ЖДУ ТЕБЯ

Жду тебя на перекрёстке
Заблудившихся аллей...
Кувыркаются под мостик
Луны белых фонарей.

Принесёшь ли мне навстречу
Звуки леса, пенье птиц
И глаза, почти как вечер,
С хвоей тёплой ресниц?

РЕЧКА СОК

Ах, какая речка Сок! –
Берега покатые,
Набегают на песок
Волны рябоватые.

Ты выходишь из реки-
Стать неотразимая.
Загляделись тальники
На тебя, красивая.

И не в сказке – наяву,
Не скрывая радости,
Я тебе кувшинки рву
В стрекозиных зарослях.

ВОДНЫЕ ЛЫЖИ

Я лечу золочёной стрелой
По вершинам крутых синусоид, –
Ради нового всё-таки стоит
Подниматься хоть раз над собой.

Я лечу... Дробно лыжи стучат
По угорам упругого стрежня.
Ветер гладит меня безмятежно,
Оставляя тепло на плечах.

Вот последний вираж. И волна
С придыханием ноги целует...
До сих пор Ангелина ревнует
Ко мне речку по имени Цна.

НА ВОЛГЕ

1

Над песчаным обрывом Волги
Чистотою своей светла
Одинокою недотрогой
Крутобокая ель росла.

И, конечно же, не случайно,
Красоты понимая смысл,
Каждый день, неустанно, чайки
Серебрили зелёный мыс.

Говорили, простор бурили,
Скоростной оставляя дым,
И оттачивали свои крылья
По параболам голубым.

Солнце россыпью щедрой, частой
Заполняло весь белый свет,
И казалось – полнее счастья
Над обрывом для чаек нет.

А когда над землёю волглой
Разливалась ночная мгла,
Из глубин потаенных ёлки
Выходила, лучась, сова.

Конопатая, простодушная,
Прожектируя в дали взгляд,
Она слушала – не наслушавшись,
Как под боком совы спят.

2

Утром трепетным и росистым
Сквозь таинственный мир земли
Шли транзисторные туристы,
В даль невыстраданную шли.

От их гогота неосторожного
Жались в облачко облака,
Покрывалась гусиной кожей
Непроснувшаяся река.

Против выкриков и привала,
Понимая итог сполна,
Каждой порою восставала
Молчаливая тишина.

От предчувствия катастрофы
И неясных ещё потерь,
В небо выбросив острый профиль,
Не дыша, затаилась ель.

...Застучал, загулял над Волгой,
Распоясавшийся топор,
Будто бы не рубили ёлку,
А расстреливали в упор.

Та и стройно, и величаво,
Даже в смерти своей светла,
В стоны ранние первых чаек,
В блики солнечные легла.

А в её ещё теплых лапах,
Не поняв, что пришла их смерть,
Копошились слепые совята,
Не умеющие взлететь.

Как бы волю ни напрягали,
Они встретились глубиной...

Нынче Волга – не голубая,
Только кажется голубой.

Навсегда под обрывом нашим
Дым барашков реку покрыл,
Словно бы над волнами машут
Миллионы совиных крыл.

Словно совы со всей Вселенной,
С дальних самых её концов
Собрались в этот вечер летний
На поминки своих птенцов.

* * *

...И в памяти моей останется
Тепло доверчивой земли,
Дымок, что, тая, к звёздам тянется
И звёзды белые вдали...

Какая улица – не ведаю,
Не знаю что за палисад,
За коим под небесной бездною
Сияет яблоневый сад.

Ты шла ко мне Пречистой Девой,
Где лунный свет объял дома,
Шла ожидаемою, смелою,
На всю Вселенную – одна.

* * *

Не знаю, что со мною станет,
С необозримой, светлой, той
Необратимой, неустанной –
Моей любовью непростой.

Неужто камнем канет в Лету?
Или, свой изменив полёт,
Она, сияя горним светом,
К Воротам Рая припадёт?

И там, у ангельского лика,
Где суд Творца неотвратим,
В покаях дерева-реликта
Погаснет с именем моим?

Но пусть в поэзии прекрасной
Запомнится любви житьё –
Неоценимое богатство,
Предвосхищение её.

Что было первое свиданье,
Что у родительских ворот
Нашёл тебя, моё страданье,
Рискуя многим наперёд.

* * *

Не звездою холодно-небесною,
Не погибелью страстного омута, –
Но сияньем и тайною женскою
Еле слышно вошла в мою комнату.

Всё затмило твоё обаяние,
Воцарилось над миром безветрие.
И слова говорились заглавные,
И сердца наполнялись бессмертием.

Может, этого вовсе и не было,
А что было – лишь Богу и ведомо.
Оторвавшись от мира нелепого,
Зря поверила в счастье поэтово.

За окном – занавескою – яблоня
В молчаливых подвесках цветения...
Почему ты в слезах, ненаглядная,
Если долго ждала откровения?

* * *

В химкомбинатовской больнице,
Втихую, на исходе дня,
Душа пыталась отделиться
И удалиться от меня.

Казалось, что бесповоротно
В тот миг печальный и большой
Не я, а всемогущий кто-то
Моею управлял душой.

Я простонал: «Покинь, как надо.
Ворвись в нетронутую высь.
И ослепительным разрядом
На белый пепел разорвись,

Чтоб до огромного далёка,
Оставив свой земной удел,
Никто чужой по воле рока,
И невзначай, не долетел».

ДИАГОНАЛЬНАЯ ДЕТАЛЬ

Мы говорим о теле и душе –
Но не секрет, что тело бrenно.
Душа воистину нетленна,
И это радует уже.

Кому она принадлежит?
Себе? Или небесной птице?
Но светлая, – она стремится
Туда, где истина лежит.

А тело что? Игра с огнём –
Желанье, торг, безделья похоть.
О теле можно и не охать,
И не печалиться о нём.

Квадрат. Углы. Диагональ.
Проста теория квадрата.
Не очень и витиевата
Диагональная деталь.

И вниз, и вверх. Манёвр большой.
И не помеха переборка...
Да вот любовь до дна прогоркла,
Да бес – бесстыже! – над душой.

* * *

Осень серая. Крик вороны.
Лес раздетый
стыдливо тих.
Ни души на платформе,
кроме
Неприкаянных нас,
двоих.

Электричка из-под Рязани,
Так, как надо, придёт,
не вдруг...
Что ж мы главного
не сказали –
Ходим около да
вокруг?

Что же ты, не приняв разлуки,
Не поняв ни добра,
ни зла,
В позапрошлом
тянешь руки –
И торжественна, и
светла?

Неужели была ошибка,
Что влюблённости
не тая,
Говорил: – Ты моя
кувшинка...
Ненаглядная ты
моя.

Верил, радуясь. Не корил я...
Знал – безвременья
сухостей
Опалил моей песни
крылья,
Сохранив красоту
твоей.

Осень серая. Полосами.
Стон осины –
в суставах хруст...
Но не чиркнули – нет! –
словами
О разлуку ни боль,
ни грусть.

НЕУЖЕЛЬ ТЕБЯ НЕ БЫЛО?

Заболею берёзами,
Заболею тобой.
И тропинками росными,
И вечерней звездой.

Заболею нежданно
Догораньем рябин,
Огневými закатами,
Обаяньем твоим.

Почему ты, хорошая,
Появилась – ушла,
Всё бывшее, всё прошлое
За собою сожгла?

Неужель тебя не было
И ни звёзд, и ни рос,
И огромного неба
Над плечами берёз?

* * *

Костёр, не оставив бликов,
Словно жизнь подытожив,
Уснул возле речки тихо-
Совсем на меня похожий.

Непойманной рыбы запах
Берегом кружит-бродит,
И ночь не спешит на запад, –
А ты вот уходишь, вроде.

* * *

Когда меня совсем не будет
И все забудут про меня,
Ты посреди студёных буден
Не заглушай в душе огня.

А в наш обуглившийся праздник
Ты с кем-то вместе или врозь
Припомни, как нам несуразно,
Но всё же радостно жилось.

Как я любил, любовь скрывая,
Страдая, сам себя браня
За то, что знал, где радость рая,
И знал, кто ждёт в раю меня.

Но, понимая, безответно
Шёл по другой дороге я,
Забыв твоей тоски приметы,
Её безмерные края.

* * *

А у нас настоящая нынче зима.
По проспекту идёшь –
и душа, замирая,
Слышит, как потихоньку
звенит белизна,
Украшая мелодию рая.
Я тебе собираюсь
в обещанный срок
Горстку наших снежинок
по почте отправить,
Но боюсь, что в дороге
тепло моих строк
Их нечаянно может
расплавить.

* * *

Снегопады, любовь, именины...
Было всё. Наяву ли? Во сне?
Даже зимняя эта картина,
Что под утро явилась ко мне.

Будто был Енисей. Берега –
Белый камень немного гранита.
Я тебя в этом мире увидел,
Как ты шла над землёю в снега.

Ты звала. Ты махала рукой.
– Догоняй! До-го-няй! – доносилось.
Эхо билось, звеня, над рекой
И об лёд, замирая, дробилось.

* * *

Стал я глуше, послушней и тише,
А в душе никакого огня.
Напишу-ка Анищенко Мише –
Может он раскачает меня.

Пусть опять уведёт на вершины,
Может, к счастью, а может, к беде,
На места, где деревья большие
На колючей зависли звезде.

Мы забудем, себя вспоминая,
Что всему есть и время, и срок ...
Пусть пройдёт наша светлая Рая
По пылающей лестнице строк.

И поэзию – радость, удачу –
В этот миг откровенья лови ...
Я тайком о Самаре поплачу,
А верней, о забытой любви.

* * *

Ничего не жду я ниоткуда,
Всё быльём, что было, поросло,
Подлости, измены, пересуды,
И добро, и радости, и зло.

На закате прошлых отношений
Лишь остались светлые мои –
Две любви, красивы и священные,
А верней, два храма на любви.

Глава 4

ВИДНО, БОЛИ К НЕПОГОДЕ

* * *

Белоозёрская равнина,
Окрест до слёз белым-бело.
В Юрасово наполовину
Дома снегами замело.

Глубокой тайною покрыты,
Как бы неведомы миры,
Казалось, белизной гранита
Сияют дальние дворы.

Недалеко от магазина,
В сугробе, перьями горя,
В зарю расписывают зиму
Два крутогрудых снегиря.

А с крыши бани, что есть мочи,
Привычки не сменив своей,
Ворона, каркнув, впёрла очи
В земное счастье снегирей.

От старости ли, от печали,
Скорей всего – от ничего,
Её замедленно качало
На кромке рая своего.

Возможно, в запредельной нови,
В игре колюче-снежных звёзд,
Ей виделся родной, вороний,
Людьми не тронутый погост.

А может быть, ей мнилось лето,
Когда с единственным своим
Они, в любви, бросались в небо,
В любви – на землю – тоже с ним.

Покой торжествен над равниной,
Царит как Божья благодать...

За белизной неповторимой
Моих печалей – не видать.

Я БУДУ ЖДАТЬ

Ах, эта зимняя рыбалка
По мягковыстланному льду!
Сидишь среди снегов, вразвалку,
С соседями в одном ряду.

С полублаженною улыбкой,
Вымаливая будто жизнь,
Над лункой шепчешь:
– Рыбка, рыбка...
И малая... ловись, ловись...

Но это позже. А пока что
Стою на берегу реки,
Любуясь, как многорогосто
В сугробах тонут тростники.

Как над твоим высоким домом
Далёкая, как никогда,
С чуть слышимым растает звоном
Подзапоздалая звезда.

Я не спешу. Пускай собратья,
Пришпорив рыболовный зуд,
Неуправляемую ратью
Себя на речку понесут...

Я буду ждать, пока проснётся,
Вся, млея в розовой тоске,
Заря, беременная солнцем,
В беспечно-юном сосняке.

ВЕСНА В ГОРОДЕ

Мы часто в поисках открытий
Спешим весной в леса, в поля,
Где первозданностью событий
Перенасыщена земля.

Но нынче я, при всем желаньи,
Увидеть веси не смогу,
Совсем другие нынче планы –
Я перед городом в долгу.

Останусь в нём, чтоб заприметить,
Как обновляются дворы
Под звуки звонких междометий
Неугомонной детворы.

Как улетит – и не вернётся –
За небеса бумажный змей,
Как вспыхнет в парке ярким солнцем
Платочек дочери моей.

Хочу ещё подкараулить
Весенний изначальный труд, –
Игру печальную сосуллек
В изломах водосточных труб...

И возвращаясь по дороге
Домой, не раз останавлиюсь,
И новой радостной тревоге
Впервые, может, удивляюсь,

Когда и сердцем и рассудком
Пойму, воистину притом,
Рождение детского рисунка
На тротуаре городском.

* * *

Бывают дни, когда душе
совсем неважно,
Когда она в пространстве
места не находит
И рвётся за предельную
свою черту,
И там, ревнивая, на нет исходит, –

Когда к тебе дорога
перепажана сполна,
И ты стоишь на середине
этой вспашки,
Нуждаясь в поисках
единственной ромашки,
Что, может, для спасения дана, –

Тогда молюсь я образу
лишь только одному,
Ниспосланному мне
как талисман покоя –
Моей больной душе
и сердцу моему, –
И никого ничем не беспокоя.

Молюсь, и холод немоты
превозмогая,
Шепчу, смирясь:
«До встречи, дорогая...»

* * *

А. Башкировой

В каком, не знаю, закоулке
Души бунтующей твоей
Нетронутыми жили звуки –
С разлуками одних кровей.

И до сих пор они молчали,
Всё ждали нынешнего дня,
Чтоб в торжествующей печали
Ты ими потрясла меня.

2

Вот песня смелым откровеньем
В зенит, волнуясь, поплыла
И чистоту с грехопаденьем
В единое переплела,

И свет любви с её предтечей,
С доисторическим пра, пра ...
Незапланированность встречи
И слёз, и горя, и добра.

3

Грудного голоса истома,
Тоска, и радость, и печаль,
По-бабы плача, с полустоном
Безропотно летели вдаль,

В незатухающие зори,
В тот мир, воистину большой,
Где бесполезно-горько спорить
О счастье со своей душой.

В ДОЖДЬ

С весёлой лёгкостью ребёнка,
На радость или на беду,
Вспорхнула зонтиком девчонка
И полетела по дождю.

И на меня не оглянулась,
Не видела, как в этот миг,
Я, вспомнив собственную юность,
Поднял повыше воротник.

ВИДНО, БОЛИ К НЕПОГОДЕ

На Москве-реке нет клёва,
Целый день – напрасный труд.
Облака над Михалёвом
Неулыбчиво плывут.

Что-то ломит поясницу,
Правая нога болит.
Видимо, опять глумится
Надо мной радикулит.

Ох, и времечко настало,
Мать ты, Богородица!
Умер Ленин, умер Сталин, –
Мне вот нездоровится.

На пологом небосводе
Солнце, словно в пелене...
Может, боли к непогоде?
Или, может быть, к войне?

Мысль последнюю я разом
Сплюнул за оба плеча:
– Не накаркай вновь, зараза,
На Россию палача.

ВОСКРЕСЕНСКОЕ ЛЕТО

*Анатолию ИВЛЕВУ,
с поклоном*

У всех городов есть судьба и приметы,
Своя изначальная доля и статья...
Стою посреди воскресенского лета
И небо в ладони пытаюсь поймать.

Поймать паутинку, что рядом зависла,
Звеня высоко над Москвою-рекой,
Тебя, что на берег под радугой вышла,
На солнце ревниво играя собой.

Вокруг посмотрю – золотые ребята
Милуют – ещё золотистей! – девчат...
За дальней околицей химкомбината
Легко, на Рязань, электрички стучат.

Но я никуда, дорогие, не денусь,
Останусь навеки в родимом краю
И песню любви – я на это надеюсь –
Ещё для тебя не однажды спою.

* * *

Ах, Болгария! Красные маки –
В них купайся, а хочешь – тони.
В бесконечные майские дни
Дорогие печальные знаки.

Сколько жизни и неги в цветах!
Неожиданно цвет выбирая,
Я себя отрешаю от рая
Даже в этих далёких местах.

Я давно среди красных равнин
Видел явь, видел сны в Байконуре
И во снах – маков цвет на лазури,
Красотою ни с чем не сравним.

– Необъятное, сын, не объять, –
Говорила мне смолodu мать.

* * *

Восходили громадой леса
Над каньоном по имени Кайлъка...
Мне впервые себя стало жалко,
Что живут без меня чудеса.

Еле тлеет белёсым огнём
Среди елей за озером будка,
Рядом крякнула дикая утка,
Сожалея о чём-то своём.

Перед домом стою. Вдалеке
Облака над Гривицким редутом.
Ну, а здесь лучезарное утро.
Белый дом. Словно дом в молоке.

Двери, окна, терраса, цветы –
И в объятья бегущая ты.

* * *

Поле Цоновска

Мне забыться бы надо,
заснуть среди поля
В аромате цветов,
и увидеть во сне,
Как за далью восходит
желанная Поля
И звездой опускается
в руки ко мне.

Я тогда бы познал,
что мне делать со счастьем -
Близко к сердцу прижал бы,
забыв про года,
Для себя одного
всё бы я заграбастал
И не стал бы делиться
ни с кем никогда.

Пусть не сбудется сон,
и мечта пусть поникнет,
Пусть в Болгарии много
и гор, и равнин,
Но над всею красой
есть крылатая Нике -
И полёт её смелый
ни с чем не сравним.

Потому я не зря
в мир победы явился,
Чтоб тебя видеть, Поля,
и Долну твою,
Твой космический Град,
Митрополии выси,
Да желанный восход
в Придунайском краю.

* * *

Вроде те же деревья, поля...
Только русское поле другое.
Но и здешнее мне – дорогое,
Дорогая до боли земля.

От неё не уйти никуда,
Как уйти от неё ни старайся.
Вызревает конечная трасса,
И событий – своя череда.

Ты, Болгария, – Русь для меня.
По прапра, по родителям, внукам.
Пусть земля мне твоя будет пухом-
Будто это России земля.

Как написано мне на роду,
Я однажды в цветы упаду.

* * *

Я заброшу всё и, не жалея,
Дальше Солнца в космос унесусь
И на дальней кромке Водолея
Ярко-белым облаком явлюсь.

Там и высоко, и беспечально,
Только прикажи мне не молчать,
Буду тайну вечного венчания
Именем любимым величать.

Лишь бы ты от жизни не устала,
Бережно хранила наш обряд
И под сенью старого квартала
Трепетно встречала звездопад.

Я заброшу всё и, не жалея...

Глава 5

МОЛОДОСТЬ. ПОГОНЫ. ЛИРИКА

КАВКАЗ, 1942

*Светлой памяти генерала
Соколова Михаила Константиновича*

Я знал, что горы говорят,
Молчат сегодня что-то горы.
Вершины белые горят,
Застыв торжественно и гордо.

Не тороплю заговорить,
А жду, когда наступят сроки...
И вот выходят из травы
Траншей обугленные строки.

Припал к ним тихо генерал,
К шипам из проволоки ржавой,
Как будто редкостный металл
Они под ржавчиной держали.

Со дна окопа достает
Пробитую осколком каску...
И в памяти опять встает
Неравный бой в горах Кавказских.

«Мы поредевшим батальоном
Стояли на смерть и на жизнь,
Мы до последнего патрона
Держали эти рубежи.

Мы подкрепления не ждали
В долину Гунделенских роз.

А потому сержант Жигалин
Решил по-своему вопрос.

Он стал огромно над снегами,
Закрыв собой вершины гор,
И закоптелыми руками
Отбросил взад-вперед затвор.

И сделал первый шаг навстречу
Сплетеньям пулеметных трасс,
И не себя увековечить –
Армейский выполнить приказ.

И было, прямо скажем, страшно.
Но поднялись мы над собой
И навязали рукопашный,
Казалось, бесконечный бой.

Долина охала, стонала,
То замолкала на момент,
То вдруг пронзительное: «Ма-ма!»
Раскалывало белый свет...»

Катилось солнце по горам,
В провалы падая ущелий ...
Рассказ не кончил генерал,
Застыл надолго над траншеей.

И голова его над ней
Плыла, как облако седое...
Какую ты ещё на дне
Хранишь, траншея, тайну боя?

ТОВАРИШИ ОФИЦЕРЫ

Генералу армии В.Н. Лобову

Мы распрощались – не встречались,
Когда встречаться дан обет...
Где ваши трассы и причалы,
Друзья моих курсантских лет?

В каких походах беспрестанно
То там – то здесь, то здесь – то там
Законы боевых уставов
Крестили вас по всем статьям?

Где справедливый по истокам,
И предназначенный судьбой,
Был принят первый и высокий
И, может быть, последний бой?

Сейчас узнать всё невозможно...
Но коль страну не давит страх,
То вы, друзья мои, надёжно
Стоите на своих постах.

И счастлив тем, что ваши лица,
Как доблесть, встречу иногда
На атакующих страницах
Газеты «Красная Звезда».

* * *

В полшаге огневой рубеж.
А дальше некуда. Последний...
Восходит день высокий летний
И удивителен, и свеж.

Отполированным железом
Лицо и руки холодит...
Цель, выползая из-за леса,
Черно в глаза мои глядит.

Возможно, и не под броню
Сейчас с гранатами бросаться...
Но всё же взрыв когда раздастся –
К земле спасительно прильну.

* * *

Я поверил звезде –
В свой удачливый рок.
К небу руки воздев,
Выступал как пророк.

Запрокинув лицо,
Глотку я открывал
И в атаку бойцов
От земли отрывал.

Сколько раз – и не счесть! –
Жребий счастья тянул,
Чтоб не умер бы весь,
Не горел, не тонул...

Навалилась стеной
На меня высота,
Над упругой спиной
Подводилась черта.

Но не верьте, что я
Высоты той не взял,
Что на скользких камнях
Был убит наповал.

Вы ходили в кино,
Бой наш видели там...
Хоть с трудом, всё равно, –
Обессиленный, встал.

И, поднявшись наверх,
Почерневший, в золе,
Ел обугленный снег,
Припадая к земле.

* * *

Закрою глаза –
и вижу:
за живот
схватился сержант.
Он, сгибаясь,
остаток жизни
пытался
ладонями удержать.

А я, прижатый
к стенке,
доставал
последний запал...
Слышу,
сержант мой Венка,
своей боли стыдясь,
сказал:

– Вот и всё...
Всё, ребята...
У меня...
Мама... дома есть...

Я взорвал
белый свет
гранатой
и упал,
но не умер весь.

Ну, а жизнь сержанта –
беззащитна,
чиста, светла –
алой оторопью к закату
между пальцев,
дымясь,
текла.

Я не слышал,
не видел, Венка,
был каким
твой
последний вздох...
И в твоей
не повинен смерти.
Не повинен...
Да видит Бог.

* * *

Светлой памяти брата Сергея

1

Я лежу под корнями
Белоствольных берёз,
Орденами, ремнями
В землю чёрную врос.

Все вопросы-ответы
В изголовье, со мной.
Надо мной День Победы
И простор голубой.

Лейтенант, мой начальник,
Боевой командир,
Ты сегодня печально
По земле не ходи.

Ты не видел, как пуля
Горяча, тяжела,
Больно грудь мне кольнула
И навывлет прошла.

Ты был выброшен резко
Из кабины своей
Вместе с огненным креслом
Нас намного левей.

Мы с расстрелянным ИЛ-ом
Через восемь секунд
Топь болота прошли
И осели на грунт.

Ты искал нас — я знаю,
Зря искал нас тогда —
Не осталось за нами
Никакого следа.

По всей смертной науке
Жизнь сгорела дотла,
И лишь ягодой-клюквой
Капля крови всплыла...

2

Я лежу под корнями
Белоствольных берёз,
Орденами, ремнями
В землю чёрную врос.

Мне не спится ночами,
А всё грезится мне —
Бой идёт нескончаем,
Небо в чёрном огне.

Я пытаюсь подняться
И принять снова бой —
Не цепляются пальцы
За крючок спусковой.

А разрывы грохочут,
Достают до нутра
От рождения ночи
До рождения утра.

Но когда я опомнюсь –
Над могилой моей
Слышу пеночки голос
Да гуденье шмелей.

Скромный цвет голубики
Согревает меня...
Мне не жаль быть убитым
Ради светлого дня –

Ради нашей Победы,
Ради счастья людей,
Ради чистого неба
Над Отчизной моей.

НА ПАРАДЕ

Трепещут над нами знамёна,
Куранты торжественно бьют,
По площади Красной в колоннах
Гвардейские части идут.

Оркестры «Славянку» играют,
Ликующей медью звеня, –
Счастливей момента не знаю,
Не знаю значительней дня.

Взлетает: «Равнение на-право!» –
Колотится сердце в груди...
И звёзды Кремля величаво
Рубином горят впереди.

* * *

Никуда я теперь не поеду –
Я всего насмотрелся уже ...
Лучше снова нагряну к соседу,
Что живёт на втором этаже.

По-простому нагряну, по-русски,
По-другому никак не хочу,
Безо всякой особой закуски,
Но, что надо, с собой захвачу.

Я приду и скажу: – Дядя Миша!
Золотая моя маята!
Как ты слышишь сегодня и дышишь
Во твои-то большие лета?.

Коротать будем мы этот вечер
За накрытым клеёнкой столом,
Не в гостиной – на кухне, конечно,
По гранёному молча нальём.

Примем с толком её мы, родную,
Тишиной зажуём, не спеша,
И про нашу про жизнь ломовую
Запоёт, отогреясь, душа.

... Дядя Миша командовал ротой.
Это он замерзал на снегу.
Это он подо Мгою и Охтой
Переламывал горло врагу ...

– Был каким ты – таким и остался,
Уходя, затыкну невпопад,
Лишь бы он, как дитя, улыбался,
Примеряя мой новый бушлат.

ПОГОНЫ

*Светлой памяти
Э. Киселёва*

Когда я под Красное знамя
Из дома служить уходил,
Отец мне на добрую память
Погоны свои подарил.

Он с ними в большие атаки
Бесстрашные роты водил,
Стоял у пылающих маков
Над плитами братских могил ...

И, если придётся мне где-то
В боях справедливых не встать, –
Погоны, прошу, моим детям
В победный салют передать.

КУРСАНТСКАЯ РОТА

...И вспомнил курсантскую роту,
Где начал я службу свою,
Где мне полагалось по росту
Не первое место в строю.

Но это не значило вовсе
Что был я бойцом – не мастак...
Фактически дело не в росте
И дело совсем не в местах.

Когда ты на равных со всеми
В январский зароешься грунт,
Когда по окопу соседи
За словом к тебе подойдут,

Когда ты поднимешься с ротой
Навстречу калёным ветрам,
Разделишь пропахнувший потом
Последний кусок пополам,

Когда ты разрушишь границы
Понятия «наше-моё»,
Тогда лишь и определится
Заветное место твоё...

Лихая курсантская рота,
Да нам ли походы страшны!
Не верили мы в этот ровный
Обманчивый мир тишины.

Глава 6

ПОЧИТАЙ, СЕРАФИМА, СТИХИ

* * *

Василию Дедюхину, с поклоном

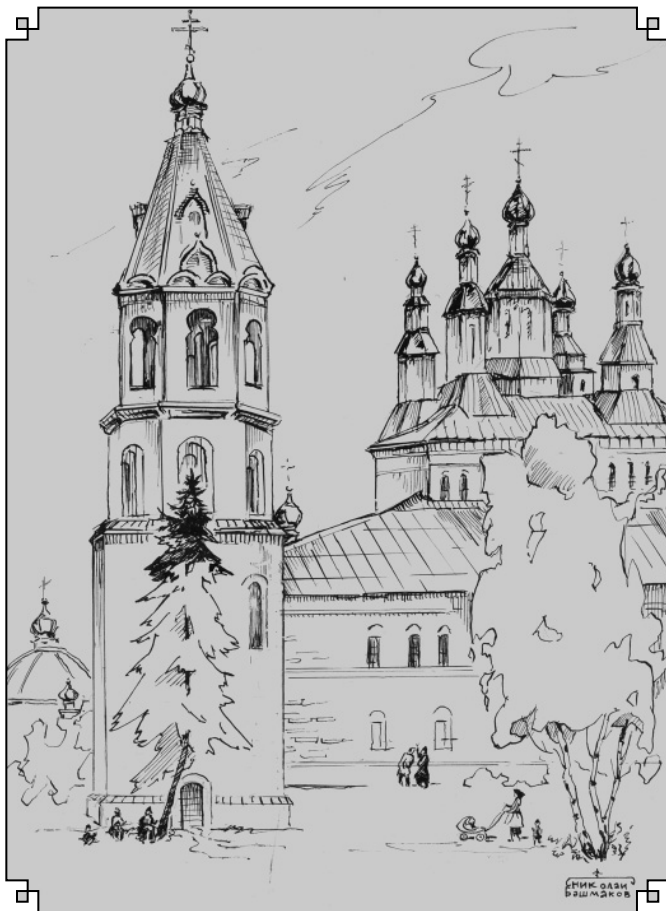
Что нам близко, припомним,
и дорого,
И уедем за сотни мостов,
По знакомой дороге на Совету –
Далеко, за Великий Ростов.

Пусть асфальт, закипая под шинами,
Остаётся, как дым, позади,
Где в преданье уходят большие
И поля, и леса, и сады.

Только скорость пристопорить
надо бы, –
Ни к чему эта пляска страстей,
Эти жгучие вечные жалобы,
Устающих от нас скоростей...

Мы приедем в Починок усталыми,
И на речке, у бань, на мысу,
От столичной отмывшись окалины,
Упадём в родовую красу.

Расцелуем прибрежные лилии,
Землю с дедовым домом большим,
Где берёз белоствольные линии
Затухают в печали вершин.

НА МЕНЯ ЗАГАДАЙ

Сестре Серафиме

Костромские дороги –
ухаб на ухабе,
Только знай, что за воздух держись! –
Не пускают пугливых и слабых
В неудобную хлёсткую жизнь.

Сосняков вековых
величавые кроны
Высоко-высоко надо мной
Колокольным гудят перезвоном,
Оглашая простор голубой.

Я проеду-пройду, по-сыновни,
открыто
Через тайнопись горьких дорог,
Где отвагою предков пропитан
Потаённый любой уголок.

Прoberусь в бурелом,
до истоков до самых,
До земли, где извечная Русь,
Где вершил своё дело Сусанин,
Где не стынет багульника грусть.

Где на солнечном склоне горы,
за рекою,
Среди елей, черёмух, берёз
Нашей маме с высоким покоем
Повстречаться навек привелось.

Я к тебе непременно, неожиданно
приеду,
Но как хочешь сейчас понимай:
На меня, беспечального, в среду,
На развилке разлук загадай.

ПО ТЕБЕ ПОЙДУ, ДОРОГА

И за счастьем, и за песней
По тебе пойду, дорога,
И полями яровыми,
И тропинкою лесной.

Мне сказали: там за далью,
Где заря купает солнце,
Есть охотничья избушка,
Глухариные тока.

Иван-чай там выше леса,
До небес седые ели,
Ниже трав, к земле прижавшись,
Мать-и-мачеха растёт.

Мать-и-мачеху согрей ты,
Иван-чай ты поприветствуй,
Седине святой и мудрой
Низко в ноги поклонись.

Слушай песни рано утром
Иль вечернею порою,
Из охотничьей избушки
К ним с ружьём не выходи.

К алой зоревой купели
Ты ладонями своими
Прикоснись, росы не тронув,
И тогда вернись домой.

Принесёшь в семью ты счастье,
По земле любовь большую.
Песни тоже – глубже неба –
Ты в деревню принесёшь...

И пошёл я по дороге,
Потеряв свою усталость,
И полями яровыми,
И тропинкою лесной.

По багульнику-дурману,
По озёрам лебединым,
По лосиным водопоям –
В даль, на Сухону-реку.

КРЕЩЕНИЕ

Так в домах наших исстари водится:
Чтобы век на себя не пенять,
В горний храм Рождества Богородицы
Заявилась на Троицу мать.

Тридцать вёрст по болотам отмерила,
Отгоняя приметы и страх,
И меня с превеликою верою
Принесла к алтарю на руках.

Я не ведал ни тайны крещения
И не видел, когда в этот час,
Всевеликого благословения,
Скрыло облачко иконостас.

— Все застыли в желанном молчании, —
Вспоминала при радости мать, —
Разлились голоса величальные,
И с небес снизошла Благодать.

И твой крёстный, подросток Серёженька,
Руку к сердцу прижав, прошептал:
— Это Ты... Ты явился мне, Боженька? —
И, крестясь, на колени упал.

Вот такой вот сиятельный случай
Осенил нас тепло и любя...
Потому ты, сынок, и везучий —
И не боязно мне за тебя.

* * *

Когда не стало матери моей,
Я пребывал в майорском чине,
Был несгибаемым мужчиной
Среди любви, разлук, смертей.

Когда не стало матери моей,
Леса вдруг сделались немými,
Истоки рек совсем иными, —
Иною тайнопись полей.

Мне негде было голову приткнуть,
Бойцу удачи из Рязани,
И мать, как жизнь, обжечь слезами,
Её спасительную грудь.

Когда не стало матери моей —
Всё светлое испепелилось...
Но не иссякла Божья милость
Найти любовь среди людей.

* * *

На краю безропотной Отчизны,
Где тоска и сосны высоки
Под порожний звон демократизма
Мрут, как будто мухи, земляки.

Ах, они как совестливо жили-
Хлеборобы испокон веков! –
Ни цари их дух не сокрушили,
Ни наган, ни штык большевиков.

...Поднимаюсь в горку – ближе к дому,
Вижу, как охапкой хворостин
Женщина латает по-простому
До трухи состарившийся тын.

– Баба Шура, здравствуй!
Ты ли это?
– Я-то? Я, а кто же ещё мог?..
Ну, а ты-то кто? Неужто Петя –
Финаёна нашего сынок?

У меня теперь со зреньем худо,
Ты меня уж, старую, прости...
Всё перемешалось... Ты откуда?
Из какого странствия – пути?

Из Москвы? Наслышаны и помним,
Что, золотоглавая, стоит? –
Спрашивает голосом неровным
И куда-то в сторону глядит.

– Всё нормально, говоришь. Спасибо.
А у нас, сынок, совсем не так...
Много стало разных перегибов
А делов – всего лишь на пятак.

Нас, бабёнок-то, осталось трое,
Да вот Родя коротает век...
Ты ведь помнишь, как до перестроек
Здесь трудились сотни человек!

...Мы беседу долгую с соседкой
От всего наносного вдали,
Выражаясь крепко и некрепко,
В основном о Родине вели.

Что она жива лишь при народе.
Кто у власти – это не народ,
Что орлы в Кремле другого рода
И гребут совсем наоборот.

Что они ослепли и не видят
Дальше крыш Садового кольца...
Почему же чёрная планида
Над Отчизной кружит без конца?

Почему ей правят снова бесы,
Узаконив хамство и обман,
В никуда прокладывая рельсы
По костям и душам россиян?

НАС МИНИН ПОДНИМАТЬ НЕ БУДЕТ

Не нам ли знать, великороссы,
Как, поперхаясь буквой «Р»,
Картавые партайгеноссе
Жуют нутро СССР?

А мы в жратве сей необъятной,
Отнюдь не судьбоносным днём,
По всей России непонятной
Полубаранами живём.

Нас шлют, глумясь, под хвост кобылий,
Нас ликом тыкают в бадью,
Чтоб навсегда мы позабыли
Про родословную свою.

Нас не коробит эта доля,
Поскольку честь родной страны
Готовы сдать за кайф укола,
За медный грош от сатаны.

Нам не сорвать братоубийство,
Не лечь в бою с дырой во лбу,
Не выйти ратью в поле чисто
Решать Отечества судьбу.

Мы лишь способны под забором
И городов, и волостей
Принять прострацию запоя,
Ни жён не помня, ни детей.

Из этих ям прегорьких буден,
Поняв, что мы – не тот народ,
Нас Минин поднимать не будет,
Пожарский в бой не поведёт.

ЭТЮД ПАМЯТИ

Не огромное ровное поле
С робкой россыпью лесополос,
А пронзит меня резкою болью
За Опалихой алый откос.

Будто это заря полыхает,
И бунтующей тучей над ней
Подлетает с печалью в Тарханы
На горячем коне Шан-Гирей.

В ТАРХАНАХ

Когда осенние Тарханы
Всплывают в памяти моей, –
Я вижу белые туманы
Над чёрной пахотой полей.

Знакомый дом, пруды, аллеи
И тишину в молочной мгле...
Побывать никак я не осмелюсь
С ней, тишиной, наедине.

Боюсь, она свечою sklepa
В глаза мне глянет из-за плит
И в изголовии поэта
В упор со мной заговорит

О том, как дерзко жил поручик
Во славе, в горе и во зле
На самой доброй и на лучшей,
Но неустроенной земле.

Заговорит со мной о месте
В миру поэта и в бою,
О том, какие надо песни
Слагать про Родину свою.

...Мне здесь тревожно.
Даже страшно.
Искрятся своды надо мной.
Снимаю, мну в руке фуражку
Перед великой тишиной.

СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ

*«...Я ли не молилась о здравии
Мишеньки этому образу, а он
всё-таки его не спас»*

Е.А. Арсентьева,
из «Воспоминаний современников»

Что же, Спас,
ты не предвидел
у горба горы Машук
подготовленную гибель,
роковой её маршрут?

Почему же ты, святыня,
землю враз не провалил
в час, когда майор Мартынов
пистолет свой зарядил?

Отчего, Нерукотворный,
ты бессилен был и квёл,
если загодя позорный
выстрел в небо не отвёл?

Почему ты, бледнолицый,
рук убийцы не сотряс,
для России для великой
сына верного не спас?..

Спас молчит в углу, растерян
до сегодняшнего дня,
ни во что уже не веря,
пряча очи от меня.

МОНОЛОГ НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

*«...А сам ушёл, как под грозой,
Оставшись на лице России
Невысыхающей слезой»*

Владимир Фирсов

Вот и опять
Я в селе Константиново.
Полдень над поймой Оки.
Спряталось облачко,
Вспыхнув малиново,
За переливы реки.

Вслух говорить
О заветном не хочется –
Слишком печаль велика.
Слишком огромна
В своём одиночестве
По откровенью тоска.

Где-то в безбожье
Верёвки свиваются,
Кто-то, неся табурет,
В ангела красится,
Но забывается...
И беззащитен поэт.

Может, и правда,
Что мы суверные?
Но у рязанских высот
Кто растрясёт
Наши души фанерные,
А болевые спасёт?

Может, возьмётся,
Сергей Александрович?
Я не найду мастеров.
Вы – как поэт
Из обрядовых Радунц
Неопалимых миров.

В дом ваш принёс
Не венок кипарисовый,
А незабудки принёс,
Да от поклонов
Владимира Фирсова
Чистую исповедь слёз.

Вслух говорить
О заветном не хочется –
Слишком печаль велика.
Слишком огромна
В своём одиночестве
По откровенью тоска.

* * *

Григорию Осипову

Так никогда не будет, помни,
Чтоб на пути большом твоём
Судьба стелилась ровной поймой
За бесконечный окоём.

И знай – в любом предназначенье,
Без чёрных заповедей зла, –
Хоть будь ты сам – само свечение!-
Тебя везде найдёт молва.

Плохая, не совсем плохая,
Она достанет ни за грош,
Пусть даже никого не хая,
Не трогая, ты в мир идёшь.

Но за любым из поворотов-
И даже по дороге в рай!-
Всегда найдётся подворотня,
Где ждёт тебя собачий лай.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Легли коврами тороватыми
Снега на ровные луга,
И в ослепительные ватники
Оделись по утру стога.

Деревья смотрят так доверчиво,
Не шевелясь и чуть дыша,
Что веришь: чем-то человеческим
У них наполнена душа.

ХОККЕЙ

А.В. Сальникову

Свисток судьи – игры начало,
Борьбы начало и страстей.
Как будто бурей закачало
Пришедших ныне на хоккей.

Стою в воротах – мастер дела,
Команды вижу мастерство.
Калейдоскопом завертелось
Игры хоккейной колесо.

Гремят трибуны: – Шайбу! Шайбу!
Стреляют шайбой игроки.
Выходит самый лучший снайпер
И резко с левой бьет руки.

В мои ворота бьет нещадно.
Я слышу свист, трибуны вздох.
Меня спасает только штанга
И голевой переполох.

Но гола не было. Итожит
Табло ноль-ноль, вдали горя ...
Такого счёта быть не может,
Когда финальная игра.

После короткой передышки
Судья на поле вновь зовёт,
За бортик отправляет лишних
И время новое даёт.

Последний миг для испытаний
Судьбы хоккейного огня!

А с ним и возраст мой поставлен
Сегодня на повестку дня.

Я падаю. Сломалась клюшка ...
Ещё раз падаю на лёд ...
И юный форвард, как из пушки,
Бабахнул в бурелом ворот.

* * *

Сестре Серафиме

Почитай, Серафима, стихи –
Я давно откровенья не слыхивал.
Кто же так его бережно выковал
Из беспомощно-хрупкой строки?

То уйдёт откровенье в Лесные,
То в Починки рванёт, клокоча,
И оставит узоры резные
На журчанье родного ключа.

То у статных домов Лихотинки,
Простотой ошарашив народ,
По казённости справит поминки
И опять в моё сердце войдёт.

Почитай, Серафима, стихи –
Я волненья давно не испытывал...
Нам ли быть у корыта разбитого.
Если мы – ну и впрямь! – от сохи.

От межей, что наш дед распахал,
От Разлев, Половинниц, Веретии...
Но мы сами послали – и встретили! –
На орбиты людей и металл.

Ах, зачем! Ты же лучше меня
Знаешь всю-то мою подноготную,
Понимаешь и грамоту нотную
Укрощённого нами огня.

Вот опять – степь, дорога, снега,
Да ракеты на стартах покоятся...
А мне кажется, старты – стога,
А дорога – река Водопойница.

И в любых далях, самых лихих,
Мне всегда моя родина грезится...
Если нам предстоит ещё встретиться, –
Почитай, Серафима, стихи.

* * *

Светлой памяти Н.А. Дедюхина

Утро, ведро, тихо, сухо
И котомка собрана...
Проводи меня, Дедюхин,
До болота Фомина.

Очень грустно расставаться
С теплотой родимых слов...
Может, снова затеряться
Среди сухонских лесов?

Чтоб услышать зов лосиный,
Плёсов радость, пенье птиц,
Грома рокот тёмно-синий
В тайном пламени зарниц.

Знать, о чём на Бороухах
Шепчет каждая сосна ...
Проводи меня, Дедюхин,
До болота Фомина.

Мы присядем на дорогу
На четыре-пять минут.
Обо мне, пускай, немного
Мать и сёстры поревут,

Зная, что слова прощанья
До последних самых лет
Сниться будут в грохотаньи
Стратегических ракет.

Глава 7

ЦВЕТЫ БОЛГАРИИ

Венок сонетов

Посвящается Тебе

МАГИСТРАЛ

Мне петь дано Болгарии цветы
Во всей их красоте неповторимой...
Ты шла навстречу горною долиной,
Навстречу шла волнительная ты.

Тебе я поклонялся и цветам,
И мудрости, и доброте природы,
Смотрел светло со стороны на годы,
Далёким не нарадуясь годам.

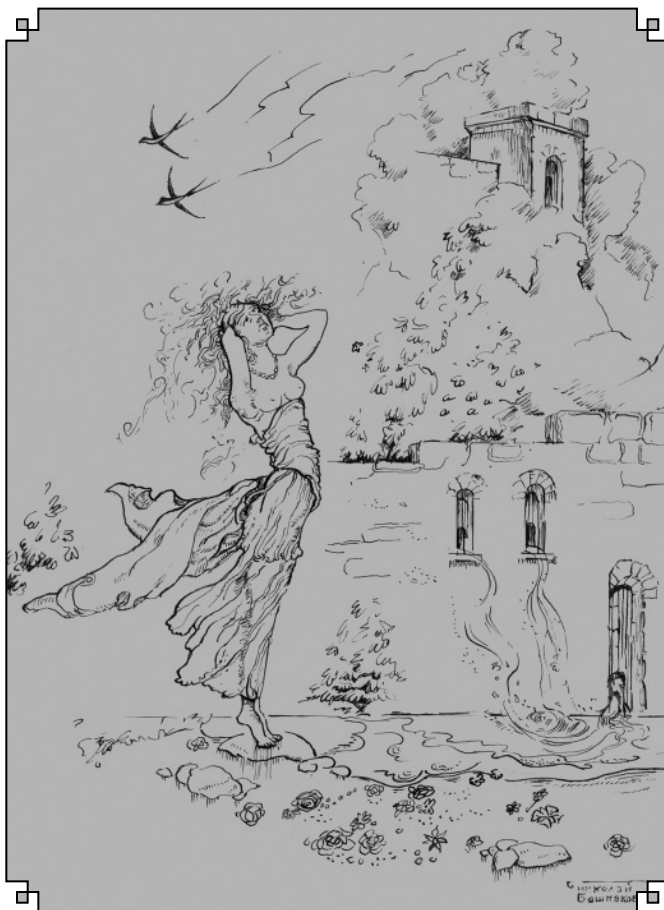
Они, как сон, являлись из веков,
Объёмно, золотым дождём являлись,
Твоей любви девичьей не боялись
И вместе поднимались высоко,

И в розовой купели лепестков
Восторгом и отрадой наполнялись.

1

Мне петь дано Болгарии цветы,
Хотя они – на всей земле красивы,
Где вечные созвучия России,
Пронзительны, открыты и чисты.

Я знаю – ты в стихи придёшь одна,
Что праздник без тебя не состоится,
И станешь ты на нём цветов Царица,
Познаешь радость новую сполна.

Увидишь маков целые поля,
Долины роз – в дали необозримой.
Пионы вспыхнут гаммою карминной...
И эти несравненные края

Ты примешь к сердцу, счастья не тая,
Во всей их красоте неповторимой.

2

Во всей их красоте неповторимой
Со мною розы Плевена и гор
Вели неторопливый разговор
О лепестках и ауре ранимой.

Я отвечал: «Пока ещё не вечер...»
Но верил, что придёт и мой черёд,
Когда душа нежданно замрёт,
И буду я тобой увековечен.

Возможно, по моей дороге длинной
Потянется одна немая грусть,
И вымолвить слова я побоюсь
О нашей откровенности взаимной.

Но верности сейчас я поклянусь:
Ты шла навстречу горною долиной.

3

Ты шла навстречу горною долиной
В белеющие скалами места,
Тебя манила чайка неспроста,
Кружа над водопадною лавиной.

Тобою любовался мир славян,
Я вместе с ним тобою любовался,
Твой каждый шаг запоминать
старался
На тропах расцветающих Балкан.

И были розы красные густы,
И были маки алые богаты,
И были горы до небес объаты
Молчаньем заповедной высоты.

Любовь и я: ну в чём мы
виноваты? –
Навстречу шла волнительная ты.

4

Навстречу шла волнительная ты,
Цветы на солнце видеть
торопилась –
Болгарии божественную милость,
Лишённую словесной суеты.

Даль открывала сердцу твоему
Сиянье молчаливого каньона
Стремительно, открыто и
влюблённо,
Не подчиняясь разуму-уму.

К святым обворожительным
местам,
Но с поздней
проницательностью Леля,

Спешил и я, твои следы лелея,
Припасть к очаровательным устам.

И ни о чём нисколько не жалея,
Тебе я поклонялся и цветам.

5

Тебе я поклонялся и цветам,
Твоим нераскрывающимся вздохам...
Я жизнь отдал космической эпохе
И чуточку от времени устал.

Но есть такое место: Тюра-Там,
В миру оно зовётся Байконуром,
Где степь весною залита пурпуром –
Тюльпанами пропитан Казахстан.

Не думал, не гадал, что хороводы
Степных цветов мой предрешат удел
И встречу ту, что встретить я хотел,
Как символ веры, рая и свободы,

Чтоб песню песней, уходя, ей спел,
И мудрости, и доброте природы.

6

И мудрости, и доброте природы
В любви я признавался – и не раз.
Сюда, к цветам, принёс меня Пегас,
Спасая от неласковой погоды.

Мне Кайкѝла-парк вовеки не забыть,
Полёты ласточки-береговушки,
Спокойное течение речушки,
Ручья в камнях бесхитростную прыть.

Весь парк сиял, весь –
нашенской породы,
Скорее мы породы древней той,
С твоей исповедальной чистотой,
Где с русского излишни переводы.

Поэтому я в заросли густой
Смотрел светло на собственные годы.

7

Смотрел светло на собственные годы,
А годы разрывались, как в кино,
И было мне совсем не всё равно,
Какие в отчине сейчас восходы.

Я попросил о том прокуковать
Кукушку на октавах самых низких,
Молил издать хотя бы звук
по-фински, –
Но, умница, не стала рисковать.

Она, томясь, вздыхала тут и там,
По молодости, видимо, не зная,
Что говор северный Суоми края
Давно понятен плевенским местам.

8

9

136

10

137

11

Твоей любви девичьей не боялись
Мои замороженные года.
В них побывали горесть и беда,
Добро и зло, к несчастью, уживались.

Но ты могла медовое тепло
Всё отдавать, нисколько не колеблясь,
Прощала непонятную нелепость,
Когда меня в неверие несло.

Давалось утешенье нелегко:
Я ревновал тебя к славянам-братьям,
Завидовал твоим пригретым платьям
В бутонах ярко-алых облаков.

Мы в горы шли принять небес
объятия
И вместе поднимались высоко.

12

И вместе поднимались высоко:
Луга альпийские у ног стелились,
В изломах скал орлы, таясь,
гнездились,
И было небо очень велико.

И в этой благодатной стороне,
Тобой любуясь и благоговая,
Перед ранимой кротостью твоею
Я преклонялся искренне вполне.

И таинства моих заветных слов,
Которые на сердце зарождались,
По всей Болгарии передавались,
Что ты сама – цветок среди лугов,

Что мы в ключах серебряных
купались
И в розовой купели лепестков.

13

И в розовой купели лепестков,
Хотела ты того, иль не хотела,
Твое обворожительное тело
Являлось как творение богов.

Возможно, ты, сама того не зная,
Живя в миру, открытом и простом,
Ко мне пришла неожиданно, как Даная,
В неведомом сиянье золотом.

Я сбросил прочь угрюмую усталость,
Решительно шагнул за ту черту,
Где сохнет от волнения во рту,
Где души в невесомость погружались,

Где мы, приняв полёта красоту,
Восторгом и отрадой наполнялись.

Кругом цветы. Благоуханье мая.
Горят тюльпаны. Маки в царстве роз...
Мелькает облачко твоих волос,
Весной и беспечальностью пленяя.

Высокие желания, мечты
Нежданно и негаданно сбывались,
Мы жизнью и цветами любовались,
И были наши помыслы чисты,

И чтобы беспросветного ни случилось –
Мне петь дано Болгарии цветы.

«Уважаемый Леонид Анфиногенович! Поздравляем Вас с большой творческой удачей. Мы внимательно прочли Ваш венок сонетов и оценили всю ту сложность творческой работы, которую Вы проделали. Стихи получились многогранными, так как создают и убедительный образ любви как высокого чувства, так и романтический образ братской Болгарии. Удачным оказался лейтмотив всего венка сонетов – цветы Болгарии, как выражение любви и радости.

Мы рады Вашему успеху и ещё раз Вас поздравляем».

С уважением президент Академии российской
словесности Юрий Беляев,
Действительный член Академии российской
словесности Наталья Листикова

«...Мало кто из больших поэтов и известных переводчиков добивались подобной естественности, берясь за такие сложные стихотворные формы, как сонет, триолет, терцина, октава и т.д. Надо, чтобы читатель не чувствовал всех тех неисчислимых усилий, которые автор затратил, добываясь видимой словесной лёгкости.

У Вас получилось. И я Вас с этим в первую очередь поздравляю!»

**Алексей Зименков, старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН.**

СОДЕРЖАНИЕ

О.А. Новикова. НЕГАСИМОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ ... 3

ГЛАВА 1. ЛЕС ТЫ МОЙ – ОКЕАН ЗЕЛЁНЫЙ...

О родословной.....	13
И светлы, и открыты	15
В отпуске.....	17
На реке Светице	18
Две рябины в саду.....	20
Эх, обнять бы мне.....	21
Дядя Ваня.....	23
«Лес ты мой...»	25
«Снова где-то внутри заёкало...»	26
«День за днём в окошко смотришь...»	28
Фрагмент письма	30

Глава 2. ОТРЫВ. ОТЗЕМЛЕНИЕ

Александру Тюрину	33
Домик Гагарина	34
«Если есть у Вселенной кромка...»	36
«Сегодня старты орбитальных...»	39
Репортаж из «Звёздного»	40
Вибронагрузки	41
Степь, секунды	43
У памятника Ю.А. Гагарину.....	45
«Когда бесстрашные потомки...»	46
Аэропорт	47
«Лейтенанты с душой горячей...»	48

Глава 3. О ЛЮБВИ

Благословляю на полёт.....	51
«Знаменью на Земле и во Вселенной...»	52
Жду тебя.....	53
Речка сок	54
Водные лыжи	55
На Волге	56
«И в памяти моей останется...»	59
«Не знаю, что со мною станет...»	60
«Не звездою холодно-небесною...»	61
«В химкомбинатовской больнице...»	62
Диагональная деталь.....	63
«Осень серая. Крик вороны...»	64
Неужель тебя не было?	66
«Костёр, не оставив бликов...»	67

«Когда меня совсем не будет...»	68
«А у нас настоящая нынче зима...»	69
«Снегопады, любовь, именины...»	70
«Стал я глуше, послушней и тише...»	71
«Ничего не жду я ниоткуда...»	72

Глава 4. ВИДНО, БОЛИ К НЕПОГОДЕ

«Белоозёрская равнина...»	75
Я буду ждать	77
Весна в городе.....	78
«Бывают дни, когда душе...»	79
«В каком, не знаю, закоулке...»	80
В дождь	81
Видно, боли к непогоде.....	82
Воскресенское лето	83
«Ах, Болгария! Красные маки...»	84
«Восходили громадой леса...»	85
«Мне забыться бы надо...»	86
«Вроде те же деревья, поля...»	87
«Я заброшу всё и, не жалея...»	88

Глава 5. МОЛОДОСТЬ. ПОГОНЫ. ЛИРИКА

Кавказ, 1942.....	91
Товарищи офицеры	93
«В полишаге огневой рубеж...»	94
«Я поверил звезде...»	95
«Закрою глаза...»	96
«Я лежу под корнями...»	98
На параде	101
«Никуда я теперь не поеду...»	102
Погоны.....	103
Курсантская рота.....	104

Глава 6. ПОЧИТАЙ, СЕРАФИМА, СТИХИ

«Что нам близко, припомним...»	107
На меня загадай	108
По тебе пойду, дорога	110
Крещение	112
«Когда не стало матери моей...»	113
«На краю безропотной Отчизны...»	114
Нас Минин поднимать не будет	116
Этюд памяти.....	117
В Тарханах	118
Спас Нерукотворный.....	119
Монолог на родине Есенина.....	120

«Так никогда не будет, помни...»	122
Первый снег	123
Хоккей	124
«Почитай, Серафима, стихи...»	126
«Утро, ведро, тихо, сухо...»	128

Глава 7. ЦВЕТЫ БОЛГАРИИ (ВЕНОК СОНЕТОВ)

Магистрал	131
Вместо послесловия	141

Леонид Анфиногенович Дудин

ПОЧИТАЙ, СЕРАФИМА, СТИХИ...

Стихотворения

Редактор: С.С. Антипов

Дизайн обложки: Л.А. Дудин

Компьютерная вёрстка: Д.В. Минаев

ООО Издательство «Серебро Слов»

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

E-mail: serebro.slov@gmail.com

Тел.: 8 (926) 433-33-99

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 07.04.2016

Формат 60х84/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.

Гарнитура Warnock Pro. Тираж 300 экз. Заказ № 792

Отпечатано в ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»

140200, Московская область,

г.Воскресенск, ул.Вокзальная, 30

E-mail: vosprint@mail.ru Тел: 8 (496) 442-45-42